

Иван Александрович Щёлоков родился в 1956 году в селе Красный Лог Воронежской области. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Многие годы отдал журналистике и государственной службе в сфере печати. Автор четырнадцати книг и многочисленных публикаций в литературных журналах. Лауреат премии ЦФО в области культуры и искусства, а также ряда международных и всероссийских литературных премий, заслуженный работник культуры РФ. Председатель Воронежского отделения Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Иван Щёлоков

Я ДВУМ ВЕКАМ, КАК ДВУМ БОГАМ, МОЛИЛСЯ...

Время ты, времечко — прялка бабуси.
Что ни случилось бы — ссучена нить.
— Кончу куделю — другою займуся:
Зиму-то надо хоть как пережить!..

От Покрова и до Пасхи Христовой
Крутится, вертится веретено.
— Будет бойцам на Донбассе обновления...
Было ж такое, пускай и давно!

Нет перерыва у прялки бабуси.
Что ни куделька — Господен ей суд...
Овцы — в хлеву, в палисаднике — гуси:
Хлопают крыльями — время пасут.

— Бабушка, хватит, устала, наверно!
Можно ли днями сучить да мотать?..
Русское время — бабушина вера
И в Иисуса, и в Родину-мать.

Вдох — на выдох и выдох — на вдох.
Дышим, дышим и значит — живем.
Ветры сеют свинцовый горох,
Превращая Донбасс в смертозем.

В ветрах — гарь, хоть хватай горстьми.
В хатах рщцет спецназ-сквозняка...

У калитки мальчик лет восьми
Укрывает под курткой щенка.

Дышим, мать твою, дышим в такт!
Нам дышалка в сраженьях — как Спас.
Сердце — сорванный танковый трак
Под огнем с терриконовых трасс.

Весны будут, и будет тут сев.
Ты погодь-ка, дружок-ячменек!..
С гранатометом на холм присев,
Дышит через прицел паренек.

Он оставил за Доном поля,
Для него страда сегодня — война.
Он-то знает, как дышит земля
И как стонет от боли она.

Вдох — на выдох... И новый вот вдох...
В счастье — выдохнем, в горе — вздохнем.
Слушай землю, пока не оглох:
Не померла... И мы не померем!

УЛИЧНЫЙ ГАРМОНИСТ

На углу Комиссаржевской
Вдоль пилостр кинотеатра
Ходит люд, мужской и женский,
То туда, а то обратно.

Ходит, думает о всяком,
О плохом, и о хорошем,
И о том — пора бы слякоть
Заменить уже порошей...

В перекрестье судеб встречных
В темной курточке кургузой
Гармонист поет сердечно
Песни бывшего Союза.

Токарь высшего разряда
С оборонного концерта —
В горбачевскую разрядку
Для державы стал не ценным.

Слава улиц — меда ложка.
Нет обид на век коварный.
Даже рад, что на гармошку
Поменял станок токарный.

Он по кнопочкам пройдет
И зальется баритоном.
На столбе фонарь качнется,
Вспыхнет ярче на полтона.

Мастер уличного пенья
Ладит гаммы, как детали,
В общей массе — для веселья
И отдельно — для печали.

Сохранил он честь и душу,
Пережил позор и беды...
— Спой-ка, батя, про Катюшу...
— Не-е, сперва про День Победы!

* * *

Плывут облака от зари до зари.
И движутся камни, боками врастая
В речные откосы, луга, пустыри,
В крыло стрекозы на цветке молочая.

И движемся мы: кто — с бедой, кто — с войной...
Нетронутым разве осталось лишь солнце...
И движется сердце из клетки грудной,
И кажется, в мир этот камнем воткнется.

СОЛНЦЕ НА ПЯЛЬЦАХ

Что вышиваешь ты крестом?
Боюсь душой касаться.
Нить под божественным перстом
Течет, течет меж пальцев
То листопадом, то ручьем, то солнышком на пальцах...

И смысла нет считать года —
Свои, друзей, знакомых...
Не замечаешь их, когда
Не взрыв, а песня в доме,
Не вспышка в небе, а звезда в предутренней истоме.

А на донбасской стороне,
Почти как в сорок первом,
С крестами на стальной броне
Гуляет новый вермахт,
И даже солнце в вышине от страха курит нервно...

Твои мне вышивки даны
Как дар нерукотворный...

Пусть поколением без войны
Не стали мы — покорны
Нам пальцы, солнце и весны извечный круг повторный.

И память в нас — не на пятак.
И крепок дух победы.
На пальцах солнце — вещей знак...
И мы, как наши деды,
Наперекор живем, лишь так одолеваем беды.

* * *

Дождаться апреля — и к предкам
Поехать на родину. Там
Синицей докучной соседка
Вспорхнется — и рада гостям.

Поманит крылами к погосту,
К родительским тихим крестам.
— Куды дольше жить — девяносто?!
Избави Господь, чтоб до ста...

И выплеснет жалость рекою
Из чуткого сердца она:
— Вон горе-то нонче какое,
Как в нашенском детстве — война!

Одна я на целой середке,
Других не осталось годков.
Недавно помер и Серенька —
Последний из всех мужиков...

Спасибочки, птица-синица,
За светлые в грусти часы,
Что есть нам куда возвратиться
Из черной своей полосы!

* * *

Пока по ночам над стихом я корпел
ненасытным романтиком,
Пока чистоплюйка-душа
городила из строчек свое естество,
На улице Мира
к «хрущевке» в гробу привезли лейтенантика:
Он был вертолетчик,
под Бахмутом сбили в горячие дни СВО.

И нет естества...
Лишь пустая,
без детского смеха песочница,

Гараж ветерана из ржавых листов,
с тополиных сережек — пыльца...
И брови мои —
крылья раненой птицы —
сползли к переносице,
Не вскинуться им,
будто тоже хватили в небесном паренье свинца.

* * *

А в час ледохода — погода дождлива.
И нет ощущения высокой весны.
Лишь в краешке сердца пацански шумливо
Бурлят молодые короткие сны.

И в чем-то — тревожно, и что-то — не важно...
И много в овражках скопившихся вод...
И склоны над Доном во всем камуфляжном
Готовятся выйти в военный поход.

* * *

По всем направленьям взъяренной души —
Засады, броски и пальба...
Ты сердце мое в добровольцы впиши,
Пока не утихла борьба.

Впиши меня в пасмурный этот рассвет,
В июньскую морось с Донца...
Что было — к тому возвращения нет,
Что будет — к тому до конца.

И вязнет в густой черноземной грязи
Хваленый заморский сапог.
Ты только назад ничего не вези —
Нет в мире обратных эпох.

Впиши в добровольцы надежд, и побед,
И скорых на смену погод,
Чтоб сердце себе ж не стучало во вред,
Впадая в безвольный разброд.

Ненастье закончится с первым лучом,
Пройдет с пробуждением от сна...
И взгляд устремляется вслед за ручьем
Туда, где пока что — война.

* * *

Прости мне, земля, что тобою я редко люблюсь,
Что чаще на фоне твоём я собою красуюсь,
И в камеру лыблюсь, и верю в уродца из селфи —
Кривлянье нам стало единственной жизненной целью.

Себя утешаю: ведь я ж — человек, мне простится,
Успею еще я под старость землей наслаждаться,
Помножив восторги скупые на возраст и риски
На даче среди помидорных кустов и редиски...
Жаль, годы, как кадры, мелькают в режиме просмотра,
И нет в них другого — смартфонная сытая морда.
Но стоит лишь взгляду уткнуться в кладбищенский холмик —
Земля тебе тут же про долг первородный напомнит.

* * *

Разожгу камин. Затрещат дрова.
Между штор луна заглянет в окно.
Прислонюсь к плечу: не нужны слова,
Все, что надо нам, сказано давно.

Положу ладонь на твою ладонь.
Меж ладоней — жизнь на двоих одна,
И одна любовь, и один огонь,
Неделимый мир в глубине окна.

Отзавотил день. Ночь под Рождество.
Колокол едва сердцем уловим.
Если б знал камин, было каково
Сберегать огонь наших лет и зим.

Отгоревший миг для сердец — не шлак...
Тихо ходит снег от ручья к сосне,
Не меняет путь, не сбавляет шаг,
Продлевает век и тебе, и мне.

* * *

Чем дальше в жизнь, тем больше веры в Бога
И тем дороже куст ракиты на лугу.
Мне для любви не требуется много:
Дышать и видеть — все, что я могу.

Я двум векам служил по чести-правде,
Советским был, теперь — российский весь.
Не отдавался скуке и браваде,
Хранил лишь нежность ко всему, что здесь.

Не предавал ни друга и ни брата,
Не ныл, не хаял Родину отцов,
Когда ее крушили подловато
Лакеи всех мастей и образцов.

Я двум векам, как двум богам, молился.
И горд, что верю в Бога одного.
Мне в двух столетьях куст ракиты снился —
И я, мальчонка, около него...